

Антиклерикальные мотивы в сатирической поэзии И. М. Долгорукова

Статья посвящена рассмотрению антиклерикальных мотивов в творчестве известного сатирика рубежа XVIII–XIX веков князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823), известного вольтерьянца, прошедшего путь от деизма к каноническому православию.

Ключевые слова: И. М. Долгоруков, антиклерикальная тема, русская сатирическая поэзия

Мировоззренческая эволюция И. М. Долгорукова была типичной для просвещенного русского аристократа рубежа XVIII – XIX вв.: увлеченный в молодости идеями Вольтера и Мерсье, он стал умеренным деистом, то есть соединял религиозность с критическим отношением к церковной обрядности. В последние годы своей жизни поэт под воздействием несправедливой отставки и личных трагедий – смерти первой жены (1804) и дочери (1808) – претерпел радикальное изменение религиозных убеждений и превратился в горячего поклонника православия [9]. Вместе с тем деистические воззрения Долгорукова породили в его творчестве антиклерикальные мотивы, которые можно обнаружить и в ряде поздних произведений сатирика.

«Антиклерикальная тема, впервые прозвучавшая в русской литературе начала XVIII в. в сатирах Кантемира», была «подхвачена позднее Ломоносовы – автором сатир на духовенство, в числе которых всеобщую известность приобрел “Гимн бороде”» [6, с. 503]. Среди видных сатириков XVIII в., обращавшихся к данной теме, нужно назвать также Сумарокова и Фонвизина, которых на рубеже веков сменил признанный обличитель церковных нравов кн. Д. П. Горчаков, старший современник Долгорукова.

Между тем подходы разных русских сатириков к разработке указанной темы были неодинаковы и обуславливались отношением авторов антицерковных произведений к религии. Например, если писатели-деисты (Кантемир, Ломоносов, Сумароков) [1, с. 105, 137] подвергали критике некоторые моменты культовой обрядности, пороки клира, мракобесие иерархов церкви, то писатели-атеисты (Фонвизин [1, с. 324–325], Горчаков [8, с. 225]), не ограничиваясь обличением церковнослужителей, смеялись над Священным писанием, догматами христианства и самой идеей Божественности миропорядка.

Антиклерикализм Долгорукова в этом отношении основывался на традициях перечисленных писателей-деистов, так как сатирик до изменения своей

идеологической позиции в середине десятых годов XIX в. был христианином, но не ортодоксального толка. Именно поэтому в творчестве Долгорукова не нашли места ноэль, популярный жанр того времени, и всевозможные шутки по поводу священных текстов и сюжетов, что отличало поэта от более радикальных вольтерьянцев – Д. П. Горчакова и молодых П. А. Вяземского и А. С. Пушкина.

Анализ антиклерикальной темы в творчестве Долгорукова мы будем проводить на материале следующих произведений, расположенных в хронологической последовательности: «Приказ швейцару», «Мысль об отставке», «Сравнение веков», «Стишки на речь, произнесенную гр. Строганову по освящении Казанского собора в Петербурге», «Везет», «Горжество совести», «Живет».

Сатира «Приказ швейцару» (1793) представляет собой инструкцию, данную автором, служившим в то время пензенским вице-губернатором, своему привратнику. Указанный текст содержал перечень неугодных посетителей, среди которых упоминались и особы духовного звания. Вольнодумный поэт так мотивировал свое нежелание принимать у себя «попов»: «...и без них спастись умею» [7, с. 388]. Эта строка, демонстрирующая антиклерикализм Долгорукова и вызвавшая негативную реакцию московского митрополита Платона [3, с. 113], кроме того, подтверждает тезис о религиозности поэта-деиста. Дело в том, что сатирик, не видя необходимости в культовых отправлениях, не отрицает догмата о спасении – одного из главных моментов христианского учения.

В философической оде «Мысль об отставке» (1800) Долгоруков, пессимистично оценивая современную ему действительность, склонен видеть недостатки и в среде священнослужителей:

Давно разумна в свете тварь,
Стыда привыкла не бояться:
А с ней готов и сам олтарь
На мзде несправедливой подняться [5, л. 11].

Столь резкое обличение в адрес православного духовенства не было случайным, так как поэта уже в начале 90-х гг. возмущало сребролюбие и стремление к роскоши священников, монахов и архиереев. Своеобразным дополнением к процитированному пассажиру может служить отрывок из записок Долгорукова, где рассказывается об обеде у митрополита Платона в 1791 г. По воспоминаниям поэта, глава московской епархии «угощал... великолепным столом... отборные яства, прихотливые напитки, бриллиантовые панагии показывали, что монахи не всегда бывают так бедны, как быть обещаются» [2, с. 247]. Описание роскошного пира сатирик резюмирует язвительным замечанием: «...обонял сытия трапезы нищей братии и видел, как Платон в бархатных рясах претерпевает нищету. О великий талисман – деньги! Ты все строишь в подлунном мире» [2, с. 247].

Знаменательно, что поэт, рассматривавший церковь как один из социальных институтов, смело и пронизательно обличал пороки духовенства, не боясь задеть даже высших иерархов. Критике Долгорукова подвергся не только митрополит Платон, но и его преемник на московской кафедре архиепископ Августин. Опираясь на традицию А. Д. Кантемира, который прозрачными намеками разоблачал в сатире I «К уму своему» архиепископа Г. Дашкова, поэт нарисовал в философической оде «Сравнение веков» (1807–1808) портрет лукавого и тщеславного архиерея-карьериста:

Сегодня пастырь то ли дело? –
На нем что перл и жемчугу:
Овец словесных бреет смело,
А кстати гнется сам в дугу:
Уж он в большом известен свете,
Он ездит в английской карете,
И носит ленту со звездой:
Его олтарь – боскет прекрасной!
Его служенье – пламень страстной!
Его Господь – кумир золотой! [5, л. 13]

Примером антиклерикализма в поздний период долгоруковского творчества, когда в сознании поэта совмещались деизм и интерес к православию, является эпиграмма под названием «Стишки на речь, произнесенную гр. Строганову по освящении Казанского собора в Петербурге» (1811). Небольшой объем этого произведения позволяет процитировать его полностью:

Соборная попы, зайдя к вельможе в дом,
Похвальну речь проговорили,
Его сиятельству сулили
Молитвы воссылать вседневные о том,
Чтоб веки небеса ему продлили.
И видно тот собор смышлен Творца молить:
На завтра ж приказал вельможа долго жить [10, с. 203].

Совершенно очевидно, что в «Стишках...» поэт не стремился обличать пороки клира или разоблачать кого-либо из петербургского духовенства (хотя личностная направленность произведения подчеркивается самим жанром). Думается, что данная эпиграмма – это не более чем сгусток долгоруковской иронии по отношению к церковнослужителям. Окончательно эта ирония, воспитанная на блестящем остроумии сочинений Вольтера, по-видимому, не была преодолена поэтом даже в бытность его адептом православия.

В сатирической оде «Везет» (1813) Долгоруков, обличая тщеславие людей самых разных званий и сословий, очень резко задел духовенство:

В избах, на стогнах и во граде
Побольше значить хочет всяк.
Собой любитесь в наряде
С разумным видом и дурак.
Жрецы своим огромным строем
О том же мыслят пред налогом,
И даже в кельях говорят.
Не все монахи бьют поклоны,
Но часто, глядя на иконы,
В уме мирское сатанят [7, с. 436–437].

Своеобразие этого критического пассажа состоит в том, что он мог исходить как от религиозного фанатика-ортодокса, так и от деиста, объясняющего свое неуважение к церкви. Долгоруков, в творчестве которого в этот период причудливо переплелись деизм и ортодоксальная религиозность, выступал в данном случае скорее всего в рамках своего прежнего антиклерикализма. Надо, однако, заметить, что в эти же годы поэт в ряде прозаических сочинений обличал отдельных священнослужителей с позиций православия. Например, Долгорукову принадлежит сочинение «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда, 1810 года», где автор подозревал тульского епископа Амвросия в масонстве и отходе от ортодоксальной веры [4, с. 14]. С другой стороны, сатирик через четыре года издал деистическое «Рассуждение о судьбе» (М., 1814).

Интересным представляется употребление слова «жрецы» по отношению к представителям духовенства (такая номинация использована и в сатире «Торжество совести» (1813–1814): «Жрецов, поющих лик победную песнь Богу...») [7, с. 446]. Дело в том, что жрецами литературная и церковная традиция XVIII в. требовала именовать лишь служителей языческого культа, поэтому применение такого названия к священникам вызывало нарекания. Например, в доносе М. Родышевского на трагедокомедию Ф. Прокоповича «Владимир» (1705) «...говорилось, что он, Феофан, “архиереев, иереев православных жрецами и фарисеями называет...”». [1, с. 17]. В XIX в., конечно, никому не пришлось бы в голову писать на Долгорукова донос за неканоническое наименование духовных лиц, но несомненно и то, что автор подобным словоупотреблением сознательно переводит объект изображения в сниженный план.

Объяснить использование Долгоруковым слова «жрецы» для наименования священников в поздних сатирах «Везет» и «Торжество совести» можно тем, что поэту было свойственно аристократическое пренебрежение к служителям церкви, усиленное неприятием культовой обрядности в годы увлечения деизмом. К 1814 г. относится еще один пример неоднозначного отношения поэта к представителям духовного сословия. В сатирической оде «Живет» автор издевался над заурядными одописцами, которые в большинстве своем были выпускниками

семинарий. Долгорукову – европейски просвещенному аристократу – такое образование его собратьев по перу казалось одиозным. Негативное отношение к незадачливому поэту-семинаристу, изображенному в сатире, переносится и на его отца, священника, которому Долгоруков посвящает не слишком почтительные строки: «А батька, веселясь о чаде (сочиняющем оду. – Д. Ч.) // Воркует при умильном взгляде, // С улыбкой скромною: “Живет!”» [7, с. 471].

В результате проведенного анализа можно предложить следующие выводы.

1. Духовные искания Долгорукова нашли отражение в его сатирическом творчестве. В частности, путь поэта от деизма к православию отмечен резкой критикой пороков священнослужителей в начале его мировоззренческой эволюции и затуханием обличительного пафоса в период завершения этого процесса. Отдельные выпады сатирика против служителей церкви в десятилетия XIX в., во время его отказа от деизма, лишь подчеркивают сложность перехода на новые идеологические позиции.

2. Нельзя не отметить попытку Долгорукова указать на поразившие церковь пороки, такие как сребролюбие, тщеславие, карьеризм, стремление к роскоши. Употребляя формы множественного числа при наименовании служителей культа («жрецы», «попы»), сатирик акцентировал внимание на массовом характере указанных злоупотреблений. Поэт обличал не только низшее, белое духовенство, но и архиереев, видя зло на всех уровнях церковной организации. Такой подход наглядно показывал, что церковь как продукт и часть общества болела теми же болезнями, что и другие сферы социальной системы.

3. Необходимо подчеркнуть, что антиклерикализм Долгорукова опирался на традиции критики церкви, созданные как западноевропейскими (Вольтер), так и русскими (главным образом Кантемир и Ломоносов) сатириками XVIII в.

Литература

1. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939.
2. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...: в 2 т. Т. 1. СПб., 2005.
3. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...: в 2 т. Т. 2. СПб., 2005.
4. Долгоруков И. М. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда, 1810 года. М., 1870.
5. Запрещенной товар, или потаенное собрание тех моих сочинений, коих я не хотел, или не мог выпустить в свет. Москва 1822 года ноября 1 дня. – ОРК и Р научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова. 1 РК 175.
6. Моисеева Г. Н., Стенник Ю. В. Литературно-общественное движение 1730-х годов. Становление классицизма // История русской литературы: в 4 т. Т. 1. Л., 1980.
7. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л., 1959 («Библиотека поэта. Большая серия»).

8. Степанов В. П. Горчаков... // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л., 1988. С. 225.

9. Черниговский Д. Н. К вопросу о характере религиозных и общественно-политических взглядов И. М. Долгорукова // Жанр. Стиль. Образ: Актуальные вопросы современной филологии: межвуз. сб. ст. / науч. ред. Д. Н. Черниговский, Е. И. Беглова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 141–152.

10. Черниговский Д. Н. Неизвестные эпиграммы И. М. Долгорукова // Жанр. Стиль. Образ: Актуальные вопросы теории и истории литературы: межвуз. сб. ст. / науч. ред. Д. Н. Черниговский. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 203–206.

УДК 882: 417.3

*О. С. Шурупова, О. В. Умина (Липецк, Россия)
Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского*

«Портрет Дориана Грея» О. Уайльда: опыт стилистического анализа

Статья посвящена стилистическому анализу отрывка из романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Авторы стремятся показать, как идеи автора реализуются с помощью используемых им стилистических приемов.

Ключевые слова: стилистический анализ, О. Уайльд, «Портрет Дориана Грея», эпитет, антитеза, сатира

Самой популярной книгой Оскара Уайльда является его роман «Портрет Дориана Грея». Это классика английской литературы и, несомненно, одна из самых противоречивых книг XIX века. Главные герои романа хотят сделать Искусство самой важной частью своей жизни и даже отрицать все моральное. Но чем больше мы читаем «Портрет Дориана Грея», тем больше убеждаемся, что Искусство связано с моралью.

Персонаж романа Дориан Грей осмелился заключить странную сделку, очень похожую на ту, которую заключил Фауст. Автор обнажает темные закулисы человеческой психики, показывая нам постепенную деградацию Дориана. Оскар Уайльд хочет подчеркнуть идею о том, что преступление и порок не могут исчезнуть, не оставив следа в душе человека. Если кто-то отказывается от нравственного поведения, он обречен становиться все хуже и хуже, потому что настоящая Красота не имеет ничего общего с Пороком. Хотя Дориан Грей хотел реализовать свое представление о прекрасном, он не мог не потерять естественную Красоту своего лица и души. Как сказал Бэзил Холлуорд, один из главных героев романа, «грех – это вещь, которая пишется на лице человека. Это невозможно скрыть. Иногда говорят о тайных пороках. Нет таких вещей. Если у